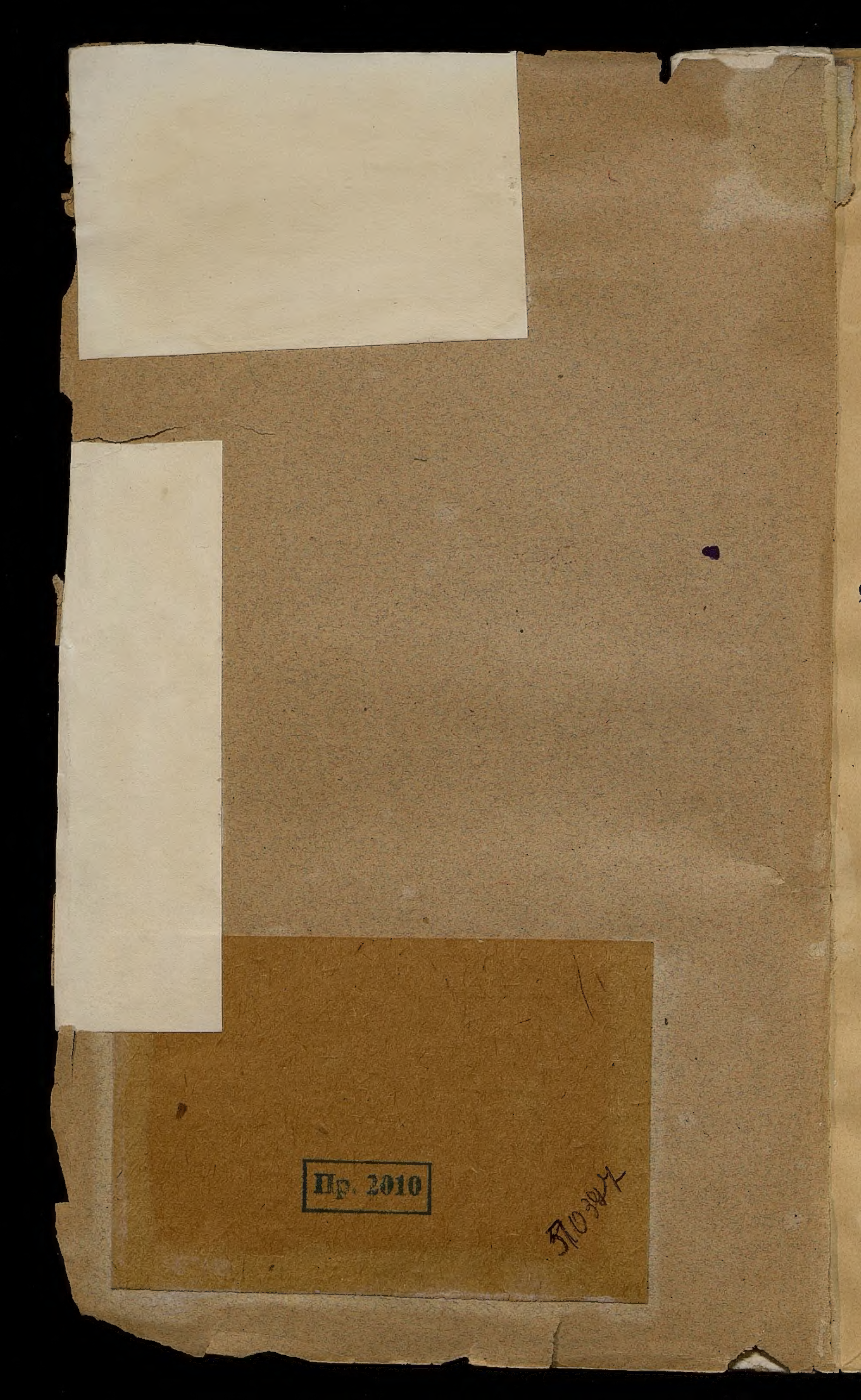
Хр. Лопаревъ.

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ

„СКАЗАНІЯ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ".

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ СБОРНИКА: „ПАМЯТИ Л. Н. МАЙКОВА".

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.


Пр. 2010

Хр. Лопаревъ.

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ

„СКАЗАНІЯ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ“.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ СБОРНИКА: „ПАМЯТИ Л. Н. МАЙКОВА“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Декабря 1901 г.

Къ литературной исторіи „Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ“[1]).

I.

При изученіи древне-русской литературы все еще замѣчается существенный недостатокъ въ серьезномъ критическомъ анализѣ памятниковъ. Это, конечно, и понятно, въ виду того, что научная разработка ихъ началась у насъ очень поздно. Въ XVIII вѣкѣ литературной критики еще не могло быть, и даже въ первой половинѣ XIX вѣка дѣло изученія произведеній ограничивалось у насъ по большей части все еще простымъ пересказомъ самихъ памятниковъ. Только ученые второй половины XIX столѣтія увидѣли наконецъ необходимость знакомиться съ критическими пріемами, то-есть изучать тексты съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, самостоятельности, связи съ другими памятниками, времени ихъ появленія и т. д. Съ этого времени начался новый періодъ въ изученіи литературы. Но въ то время, какъ разработка однихъ памятниковъ дѣлала шагъ впередъ, разработка другихъ и общее обозрѣніе литературы продолжало сохранять свой прежній характеръ. Въ учебникахъ по исторіи литературы и доселѣ еще господствуетъ ошибочный взглядъ на дѣло: повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ неизмѣнно все еще помѣщается въ числѣ произведеній литературы подъ XIV вѣкомъ, хотя общаго между памятникомъ и временемъ, къ которому онъ отно-

1) Рефератъ этотъ былъ первоначально читанъ въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества при институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, 18-го января 1895 г. (см. Сборникъ Ист.-Фил. Общества при институтѣ кн. Безбородко, въ Нѣжинѣ. Кіевъ 1896, I, стр. 24—25). Нынѣ онъ является въ переработанномъ видѣ.

сится, — только одно содержаніе. Подъ памятники литературы XIV в. у насъ занесены обработки и пересказы XV и XVI вѣковъ — только потому, что ихъ по ихъ анонимности не легко пріурочить къ какому-либо другому времени. Такое пріуроченіе на первыхъ порахъ быть можетъ и было наиболѣе удобнымъ, но теперь прежній взглядъ становится совершенно неправильнымъ.

Современными свидѣтельствами войны съ татарами должны считаться нѣкоторыя, впрочемъ немногочисленныя, лѣтописи[1]), которыя мы имѣемъ право разсматривать, какъ свидѣтельства если не самихъ современниковъ, то во всякомъ случаѣ лицъ, болѣе или менѣе освѣдомленныхъ въ вопросѣ о побоищѣ. Татарскому владычеству на рѣчкѣ Непрядвѣ былъ нанесенъ въ 1380 г. жестокій ударъ, но и только; орда продолжала еще существовать и даже причинять Руси много бѣдъ. Пока надъ нами тяготѣло иго, лѣтописныя свидѣтельства оставались одинокими; но когда въ концѣ XV вѣка татарское господство было свержено, орда прекратила свое существованіе въ качествѣ самостоятельнаго политическаго организма, народное сознаніе на Руси ожило и стало крѣпнуть, — на сцену выступила литература; какъ выразительница настроенія многихъ русскихъ людей, она со своей точки зрѣнія обратилась къ прошлому и по своему пересказала лѣтописныя свѣдѣнія.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ дошло до насъ во многихъ спискахъ и въ нѣсколькихъ редакціяхъ XVI—XVIII вѣковъ, которыя все еще не приведены въ извѣстность. Вотъ однако списокъ ихъ, ни въ какомъ случаѣ, впрочемъ, не претендующій на полноту: 1) Императорской Публичной Библіотеки O. IV. 22, XVI вѣка, лл. 19—90 (Начало повѣсти, како дарова Богъ побѣду); 2) листокъ изъ Сказанія, XVI в., въ библіотекѣ Н. П. Барсукова; 3) Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 70, XVI—XVII в., лл. 5—25 (Сказаніе, како приходилъ на Русь Мамай); 4) Ермолаевскій списокъ, которымъ пользовался И. М. Снегиревъ; 5) Морозовскій, изданный И. П. Сахаровымъ: Сказанія русскаго народа. С.-Пб. 1841, т. I, ч. 4, стр. 65—82; 6) Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л., XI, 46—71), которою пользовались

1) Новгородская 4-я лѣтопись (П. С. Р. Л., IV, 75—83), прибавленіе къ Софійской 1-й лѣтописи (П. С. Р. Л., VI, 90—98), Воскресенская лѣтопись (П. С. Р. Л., VIII, 34—42), лѣтопись Авраамки (П. С. Р. Л., XVI, 107—119).

Карамзинъ и Снегиревъ,—послѣдній при изданіи Сказанія; 7) Императорской Публичной Библіотеки Q. XV. 27, XVII в., лл. 229—348 (безъ начала и конца); 8) Императорской Публичной Библіотеки F. IV. 215, XVII в., лл. 234—252 (Книга о побоищи Мамая царя отъ князя Димитрія): на бѣлорусскомъ нарѣчіи; 12 главъ; 9) Тихонравовскій списокъ, изслѣдованный С. П. Тимофеевымъ (Ж. М. Н. Пр. 1885 г., августъ — сентябрь); 10) кн. М. А. Оболенскаго, которымъ пользовался Снегиревъ; 11) Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 12) Снегиревскій, изданный Снегиревымъ: Русскій Историческій Сборникъ. М. 1838, т. III, кн. 1; отрывки изъ этого изданія — въ «Исторической Христоматіи» Ѳ. Буслаева. М. 1861, стт. 1329—1333; 13) Синодальный № 365; 14) Ростовскій лѣтописецъ и 15) Архангельская лѣтопись, которыми пользовался Карамзинъ; 16) Тимковская рукопись; 17—18) два бѣлорусскихъ списка; 19) Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 22, XVII—XVIII вв., лл. 116—225 (Сказаніе извѣстно о поганомъ и богомѣрскомъ царѣ Мамаѣ и о многихъ силахъ его; 54 главы)[1]); 20) Лопаревскій, XVII—XVIII вв., безъ начала и конца; отрывокъ на шести листахъ; издается нынѣ здѣсь; 21) Вяземскій F. IX (отрывокъ); 22) Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 48, XVIII в., лл. 20—50 (Повѣсть зѣло изрядна о Мамаѣ царѣ); 23) Лопаревскій, XVIII в., безъ начала (27 главъ).

Чѣмъ болѣе мы узнаемъ списковъ Сказанія, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что народное творчество въ позднее время не имѣло границъ. Казалось, что писцы измѣнили своей работѣ и вмѣсто копированія занялись каждый самостоятельнымъ пересказомъ повѣсти; вотъ почему мы видимъ такъ много различныхъ списковъ съ значительными разностями въ текстѣ. Но не смотря на это разнообразіе, все-таки есть возможность раздѣлить перечисленный рукописный матеріалъ на двѣ главныхъ группы. Къ первой, съ болѣе краткимъ содержаніемъ, относятся рукописи: Императорской Публичной Библіотеки О. IV. 22, Ермолаевская, Морозовская, Тимковская и двѣ Бѣлорусскихъ; ко второй — списки: Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 70, Тихонравовскій, Оболенскій, Архивскій, Синодальный, Снегиревскій,

1) Такъ по оглавленію текстъ кончается 41-ю главою, конца недостаетъ.

Сказаніе Никоновской лѣтописи и пр. Къ этой же категоріи относится и тотъ списокъ, отрывокъ котораго приводится въ настоящее время здѣсь. Первая, болѣе краткая, редакція, какъ болѣе согласная съ лѣтописнымъ разсказомъ, безъ всякаго сомнѣнія содержитъ въ себѣ наиболѣе близкій къ не дошедшему оригиналу пересказъ событія. Вторая, болѣе распространенная редакція, есть уже позднѣйшій пересказъ Куликовскаго побоища.

Первая редакція вслѣдъ за лѣтописнымъ разсказомъ кратко передаетъ извѣстіе о великокняжескомъ послѣ Захаріи Тотшевѣ, вывѣдавшемъ военныя силы Мамая; вторая редакція Сказанія съ особенною любовью остановилась на этомъ вопросѣ и прибавила много мелкихъ подробностей о превосходствѣ русскаго предъ татариномъ. Прибавка такого рода не можетъ восходить къ древности; напротивъ, могла появиться только въ эпоху, когда сила татарская потеряла уже въ глазахъ стараго русскаго человѣка свое страшное значеніе, когда можно было и пошутить надъ безсильнымъ теперь мусульманиномъ. А это само собою предполагаетъ, что появленіе подробностей посольства Захаріи не можетъ относиться ранѣе какъ къ концу XV вѣка, когда окончательно была сломлена Золотая Орда. Затѣмъ лѣтопись ничего не говоритъ о военныхъ новгородскихъ силахъ на Куликовомъ полѣ. Первая редакція разсказываетъ, что новгородцы собирались на вѣче, но не будучи въ состояніи прибыть заблаговременно на мѣсто военныхъ дѣйствій, отказались идти въ походъ. Напротивъ, по второй редакціи, они участвуютъ въ битвѣ. Отсутствіе князя въ Новгородѣ и вообще разсказъ объ участіи новгородцевъ въ битвѣ, переданный второю редакціею, опять-таки указываетъ на позднее появленіе этого разсказа, именно на конецъ XV и на первую половину XVI вѣка и очень характеренъ именно для этого времени, когда Новгородъ вошелъ въ органическую связь съ Московскимъ государствомъ и участвовалъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Редакторъ не понималъ, какъ это Новгородъ не хотѣлъ идти на войну, на службу Москвѣ, и разрѣшилъ свое недоумѣніе передѣлкою текста въ духѣ своего времени[1]). Далѣе лѣтопись умалчиваетъ о посѣщеніи Димитріемъ Донскимъ игумена Сергія послѣ битвы; не знаетъ этого разсказа и первая редакція Сказанія. Напротивъ, вторая

---

1) Ср. И. П. Б. Q. XV, 27; Q. XVII, 22.

въ нѣкоторыхъ спискахъ описываетъ это довольно подробно[1]). Позднему книжнику, для котораго историческій фактъ говорилъ не все, казалось очевидно загадочнымъ, какъ это Димитрій, бывшій въ лаврѣ до похода противъ Мамая и получившій благословеніе и нравственную поддержку со стороны игумена Сергія, по возвращеніи изъ похода не посѣтилъ его, не принесъ ему своей благодарности. Было вполнѣ естественно, если бы Димитрій посѣтилъ Сергія послѣ одержанной побѣды, и вотъ поздній редакторъ внесъ въ свою обработку эту возможность въ видѣ положительнаго факта. Лѣтопись описываетъ, какъ дѣло *было*; первая редакція не безъ колебаній продолжаетъ еще оставаться на этой точкѣ зрѣнія; вторая же описываетъ событія такъ, какъ они *должны были быть*. Подобнаго рода обработка памятниковъ литературы священнаго писанія называется апокрифическою или толковою, смотря по роду и характеру самихъ сочиненій, но такая же обработка произведеній свѣтскаго содержанія не получила особенной клички, быть можетъ потому, что не существовало въ старину свѣтской цензуры: проявленіе индивидуальнаго и народнаго творчества въ области историко-литературныхъ фактовъ не было стѣсняемо свѣтскою властью, у которой, къ счастью, не было своего запретнаго индекса; будь эта цензура, Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ не преминуло бы попасть въ него. Наконецъ лѣтопись говоритъ о наличности болѣе 150000 человѣкъ русскаго войска, участвовавшихъ на Куликовомъ полѣ; первая редакція сообщаетъ цифру уже болѣе 200000, а вторая въ иныхъ спискахъ даже до 400000. Безъ сомнѣнія, поздніе книжники желали представить въ болѣе выгодномъ свѣтѣ могущество Руси, ея военную силу, ея многолюдность.

Но вотъ и всѣ существенныя особенности рукописнаго преданія, извѣстныя доселѣ. Литературныя интерполяціи нашего списка, представляющаго нѣкоторую сценичность дѣйствія (особенно докладъ великому князю князей-военачальниковъ о численности ихъ войска), идутъ еще далѣе въ указанномъ направленіи. Прежде всего великій князь Димитрій Ивановичъ названъ Московскимъ и *всея Руси*[2]). Какъ извѣстно, впервые такой титулъ усвоилъ себѣ сынъ его Василій въ

---

1) И. П. Б. Q. XV, 27.
2) Ср. И. П. Б. Q. XV, 27; Q. XVII, 22.

XV вѣкѣ. Стало быть на Димитрія перенесена въ данномъ случаѣ черта ближайшаго послѣдующаго времени. Далѣе рукопись, говоря о новгородцахъ, называетъ совершенно иныя имена посадниковъ и тысяцкихъ, нежели нѣкоторые другіе списки Сказанія. И что же оказывается? Имена этихъ лицъ мы встрѣчаемъ во второй половинѣ XV столѣтія: Якова Ивановича (правда, безъ фамиліи) въ 1456 году, Тимоѳея Микулина (правда, безъ отчества) въ 1496 году; даже численность новгородской рати, будто бы участвовавшей въ битвѣ, мы можемъ найти опять-таки въ XV вѣкѣ, въ 1471 году. Далѣе мы встрѣчаемъ въ спискѣ упоминаніе объ ертоульномъ русскомъ полкѣ на Куликовомъ полѣ[1]). Сколько мы могли доискаться, впервые въ русской арміи появляется ертоульная дружина въ 1552 году, во время похода Ивана Грознаго подъ Казань. Если это такъ, то въ такомъ случаѣ на историческое событіе XIV вѣка перенесена бытовая особенность уже XVI вѣка[2]). Быть можетъ, дальнѣйшее изученіе Сказанія приведетъ къ тому заключенію, что и всѣ другія упомянутыя подробности о составѣ и численности войскъ внесены въ памятникъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ событій XV и XVI вѣковъ. Итакъ оказывается, что книжное творчество въ отношеніи Мамаева побоища не переставало проявляться на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій, пока наконецъ появившееся въ XVIII вѣкѣ печатное изданіе Сказанія не остановило его дальнѣйшаго развитія.

Мы повторимъ далеко не новую мысль, если скажемъ, что наслоенія въ Сказаніи — поздняго времени. Но къ какому же періоду надо отнести основной текстъ памятника? С. П. Тимофеевъ допускаетъ, что Сказаніе въ его первоначальномъ, не дошедшемъ до насъ, видѣ составлено вскорѣ послѣ самого происшествія. Однако очень трудно доказать

---

1) Ср. И. П. Б. Q. XVII, 70: «въ большомъ полку самъ великій князь Димитрей, въ *ертоулѣ* воевода князь Димитрей Всеволодовичь».

2) Списокъ говоритъ еще о Коломенскомъ архіепископѣ, встрѣтившемъ Димитрія въ походѣ на татаръ. Казалось бы, что здѣсь мы наталкиваемся на еще болѣе позднее пріуроченіе. Коломенскими предстоятелями были епископы до 1672 года, и только съ этого времени они получили титулъ архіепископовъ. Однако здѣсь необходима осторожность: весьма возможно, что редакторы и пересказчики Сказанія называли коломенскаго епископа архіепископомъ и въ болѣе раннее время, просто изъ желанія придать болѣе значенія этой личности, напутствовавшей великаго князя: по крайней мѣрѣ коломенскій *архіепископъ* встрѣчается въ Сказаніи уже въ спискахъ XVI вѣка (ср. И. П. Б. О. IV, 22).

это положеніе, ибо нѣтъ ровно никакихъ данныхъ для такой догадки, за исключеніемъ развѣ той общей и мало убѣдительной, что памятникъ трактуетъ о Мамаевомъ побоищѣ, стало быть вѣроятно онъ и написанъ вскорѣ послѣ Куликовской битвы. Напротивъ, изученіе рукописнаго матеріала кажется должно привести къ иному заключенію. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ редакціи Сказанія замѣчательно согласны между собою въ разсказѣ о союзѣ Мамая съ *Ольгердомъ* Литовскимъ, о молитвахъ *митрополита Кипріана* и т. д. Нѣтъ ни одного списка, въ которомъ бы было выставлено настоящее имя Литовскаго князя (Ягайла), нѣтъ ни одного текста, гдѣ бы не говорилось о митрополитѣ Кипріанѣ. Упоминаніе этихъ лицъ — это самое сильное доказательство того положенія, что Сказаніе составлено въ позднее время, когда книжники-редакторы уже утратили живую связь съ прошлымъ, забывъ имена современныхъ дѣятелей въ эпоху отечественной войны XIV столѣтія. Ольгердъ умеръ задолго до 1380 года, Кипріанъ не былъ еще митрополитомъ въ это время. Подобные анахронизмы, систематически проведенные по всѣмъ рукописямъ, во-первыхъ доказываютъ, что они существовали и въ первичномъ сочиненіи и во-вторыхъ свидѣтельствуютъ о позднемъ происхожденіи пересказа. Весьма возможно, что появленіе и основнаго текста памятника обязано XV вѣку и именно событію 1480 года, когда сила Золотой Орды была окончательно сломлена, когда при обнаружившемся подъемѣ русскаго народнаго сознанія какой-то книжникъ вспомнилъ о былой побѣдѣ надъ татарами и изобразилъ ее съ точки зрѣнія понятій XV—XVI вѣка. Работа оказалась и не самостоятельною, ибо авторъ ея почерпалъ свое вдохновеніе въ болѣе раннемъ, прекрасномъ «Словѣ о полку Игоревѣ», и слишкомъ слабою, ибо ей недоставало правильности исторической перспективы и вѣрности характеристикъ дѣйствующихъ лицъ; тѣмъ не менѣе она прямо отвѣчала тогдашнему патріотическому настроенію и потому завоевала себѣ широкую извѣстность. Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ не есть памятникъ литературы XIV вѣка, оно должно быть разсматриваемо какъ литературное произведеніе позднѣйшей эпохи[1]).

---

1) Г. Тимофеевъ, изслѣдуя Сказаніе, принялъ въ основаніе Тихонравовскій списокъ, по его же словамъ самый полный изъ всѣхъ существующихъ, и сводитъ свои разсужденія къ тому, что *опущено* другими списками сравнительно съ Тихонравовскимъ; между тѣмъ намъ думается, слѣдовало бы идти какъ разъ наоборотъ: взять за

II.

<передовому полку воеводу учреди Димитрия Все-> * (л. 1) володича Холмскаго, сторожевому полку воеводу учреди Микулу Васильевича да Тимоѳея Волуевича да Івана Родионовича Квашня Углядкие[1]); а у князя Володимера Андрѣевича в полку воеводы: Андрѣй Черкисовичъ да Данило Костянтиновичъ да князь Ѳеодоръ Елецкий да князь Юрьи Мещерской да князь Андрѣй Муромской.

И князь великий Дмитрий Івановичъ уряди полки и повелѣ имъ Оку реку возитися; і заповѣда коемуждо полку воеводамъ і всемъ ратнимъ, ѩко *идучи ся по Резанской земли ни единому власу не прикоснутися*[2]). Самъ же князь великий Дмитрий Івановичь, примъ благословение отъ Коломенского архиепископа, і перевезеся Оку реку, и отпусти в поле третию стражу избранныхъ витязей, ѩко да купно видятся стражми татарскими. Рече жъ князь великий Дмитрий Івановичъ, рече брату своему Владимеру Андрѣевичю: *Поспешимъ, брате, противу безбожныхъ і не утолимъ лица своего отъ безстудныхъ: аще ли смерть приключитце намь, то вкупе общую чашу приимемь;* Идый же путемъ своимъ и призывая сродники своя на помощъ, святыхъ страстотерпець Бориса і Глѣба[3]).

Слышавъ же то Олегъ[4]) Рязанский, ѩко князь великий Дмитрий Івановичъ Московской совокупися со многими силами і грядетъ (л. 1 об.) в стретение безбожному царю Мамаю, і нача Олегъ блюстись, с места на место преходити со единомысленники, други своими, і рече: *Аще намъ бо*[5]) *мощъно послати вѣсть ко многоразумному Олгерду Литовскому, то како онъ иматъ мыслити, ѩко чаяхъ: князь великий Московский по прежнему сотворитъ: яко не подобаетъ Московскимъ*

основаніе болѣе краткую редакцію и слѣдить, что было *прибавлено* къ ней въ позднѣйшее время.

1) Квашню Углицкаго?

2) O. IV, 22: «да еще кто пойдетъ по Резанской земли, тотъ не коснися ни единому власу»; Q. XVII, 70: «приказалъ всему войску своему въ Резанской земле не прикоснотись ни единому власу».

3) Q. XVII, 27: «иже путемъ своимъ идетъ, призывая сродницы своя на помощь, св. мучениkъ Бориса и Глѣба».

4) Огегъ *(рукопись)*.

5) по *(рукопись)*.

княземъ противу восточнаго царя стояти; ныне жъ онъ разумѣ, откуду ему приидѣ помощъ, яко противу трехъ насъ вооружитися. І рекуще ему бояре его: *Намъ, господине княже, за 15 дней поведали, что есть в вотчине его калугиръ, имя ему Сергий, и велми прозорливъ, тотъ его вооружилъ, отъ своего монастыря дастъ ему пособники калугири.* Олегъ же возьярився па своихъ бояръ: *Почто вы мнѣ того не повѣдали? то бы шелъ и умолилъ бы нечестиваго царя, да ничто жъ бы зло сотворилося; горе мнѣ окаянному, — не токмо отчину свою потерялъ, но и душу свою погубилъ! но горее окаяннаго Святополка! і земля мя пожретъ: како азъ законъ имѣю істиннаго Бога, а на православную вѣру ополчихся с нечестивымъ Олгердомъ Литовскимъ, законъ имѣя великаго Петра*[1]*), яже крещениемъ огражденъ; но не быхъ возвратился к великому князю, но не прииметъ мя к себѣ: вѣсть бо измену* (л. 2) *мою к себѣ.* І нача плакати горко і рече: *Воистинну великому князю Дмитрию Івановичю Богъ поможетъ за его правду і молениемъ онаго старца Сергия і Московскаго чюдотворца Петра.* И повелѣ Олегъ болярь своихъ казнити, занежъ ему подвига великого князя Дмитрия Івановича не повѣдали.

Олгердъ же Литовский[2]) по прежереченнымъ литовскимъ книгамъ Олга Рязанского[3]) совокупи много Литвы различныхъ земель[4]) і поиде на помощъ к Мамаю царю. І прииде к Одоеву и слыша, яко великий князь Дмитрий Івановичъ Московской грядетъ со многими силами противу царя Мамая. І то слышавъ, что Олегъ Рязанский убоялса, и Олгердъ Литовский ставъ на единомъ мѣсте і не смея никуды двигнутися, і нача размышляти суетнымъ своимъ разумомъ и подвигъ, і видевъ совокупленіе свое раздно, і нача сердцемъ скорбити, і рече ему: *Елико человѣку не достанетъ своего разума, то всуе чюжюю мудрость требуетъ: николи жъ бо Литва отъ Резанѣ учения примала*[5]);

1) О. IV, 22: «нъ обаче онъ почитаеть законъ латыньскый Петра Гугниваго, азъ же окаанный разумѣхъ истинный законъ Божій».

2) литовские *(рукопись)*.

3) О. IV, 22: «Отъ Олега Рязанскаго принесли Ольгерду многыа дары и написаныа книгы» и «по предписаннымъ ему книгамъ Олговымъ».

4) О. IV, 22: «Литвы много и Варягъ и Жемоти»; Q. XVII, 22: «Литвы, Варягъ и Жимотъ».

5) О. IV, 22: «николи же бо Литва отъ Резани учима была»; Q. XV, 27: «никому же бо Литва учима бѣ Резанью».

ныне жъ изведе мя изъ ума і самъ паче и мене погиблъ, яко жъ ныне пребуду зде, дондеже услышу победу Московского князя Дмитрия Івановича.

Сынове жъ Олгердовичи, і князь Дмитрий Полоцкий да князь Андрѣй Брянской, рекоша, яко *велика беда* (л. 2 об.) *належитъ великому князю Дмитрию Івановичю Московскому і всему православному християнству отъ безбожнаго царя Мамая.* І посла князь Олгердовичъ Андрей Брянский вестьника ко брату своему князю Дмитрию Олгердовичю Полоцкому: *Слыши, брате, яко велика беда належитъ на великого князя Дмитрия Івановича Московскаго всеа Русии: ідетъ его пленити восточный царь Мамай безбожный на Рускую землю, а отецъ нашъ великий князь Олгердь Литовский і князь великий Олегъ Рязанский вместо совокупися з безбожнымъ на православную вѣру, мы жъ, брате, с тобою единоверни, огражени*[1]) *святымъ крещениемъ, отъ отца вѣрою отъидох‹ом›ъ, а отецъ нашь отъ себѣ отверже*[2]), *наипаче Господь нашъ і Богъ присвои к себѣ, далъ намъ законъ ходити по немъ; воспомяни, брате, писание святаго евангелия: другъ другу тяготы носите, и тако скончаете законъ Христовъ; ныне жъ, брате, соберемъ во‹и›ска своего, яко жъ подъ собою имѣя, і поидемъ на помощъ к великому князю Дмитрию Івановичю Московскому всеа Русіи: аще намъ случится смерть восприяти за православную вѣру і за его великую обиду, то общую чашу приимемъ с великимъ княземъ Дмитриемъ.* Дмитриі жъ Олгердовичь, писание пріимъ отъ брата своего князя Олгердо(л. 3)вича, і нача радоватися і плакати отъ радости і рече: *Владыко Господи человѣколюбче, дай жъ рабомъ твоимъ совершити хотѣния своя; открылъ еси, Владыко, брату моему подвигъ.* І по мале времяни совокупися два брата во Брянски с вои своими с тритцетью тысящами, і скоро изъ Брянска поидутъ на помощь к великому князю Дмитрию Івановичю Московскому. І стретоша бортникъ і повѣда имъ великаго князя Дмитрия Івановича Московскаго: стоитъ близъ Дону реки, ожидаетъ поганыхъ. І поидоша на сѣверу дорогою, обходятъ кругомъ отца своего, да не прогнѣваетце на нихъ отецъ и не возложитъ на нихъ клятвы. Господь жъ поспешевъствуетъ имъ пу-

---

1) Огражене *(рукопись)*.
2) Отверзе *(рукопись)*.

темъ. І прiйдоша скоро па Донъ к великому князю Дмитрию Івановичю Московскому.

Князь жъ великий Дмитрий Івановичъ не доѣхалъ Дону, стоитъ на мѣсте, нарицаемомъ Березуи. Слышавъ же князь великий Дмитрий Івановичъ, ꙗко прийдоша к нему на помощь Литовские князи Олгердовичи сь вои своими, і вземь брата своего князя Владимера Андрѣевича і ста на единомъ месте, і возрадовашася великою радостию і слезы отъ радости проливающе, ꙗко быстрины, і рече[1]): *Владыко Господи человѣколюбче, сотворитель небу і земли і содетель* (л. 3 об.) *і всея твари, но явна есть твоя милость к намъ, ꙗко дѣти своихъ отцовъ оставляютъ, прийдоша к намъ на помощъ нашу.* І стрете князь великій Дмитрий Івановичъ со многими великими дары і охапися с ними і целоваху другъ друга со слезами; і рече князь великий: *Братия моя милая, коея потребы ради прiйдоша ко мнѣ? Азъ убо разумѣю*[2]), *ꙗко не мене ради прийдоша*[3]) *ко мнѣ, но Господь Богъ посла васъ в путь свой, во істину ревнитель есть отца нашего Авраама, ꙗко тако вскоре Лотови поможетъ.* І седе с ними вкупѣ в шатрахъ за трапезою і посла скоро вестьника[4]) к Москвѣ ко преосвященному митрополиту Киприяну і к великой княгине Евдокѣи, ꙗко *Прийдоша ко мнѣ на помощь Литовскии князи Олгердовичи со многими силами, а отца своего оставиша.* Скоро жъ вѣстьникъ[5]) прийдоша к Москве. Слышавъ жъ то митрополитъ Киприянъ, і воставъ прослезися і нача молитву творити: *Господи Владыко человѣколюбче, ꙗко противные наши вѣтры на тихость преложилися.* І посла скоро во все соборные церкви и во вся соборища обителей і повеле молитву творити день і нощъ.

Великому жъ князю Дмитрию Івановичю со всемъ величествомъ вои своими стояще на Березу, 20 поприщь (л. 4) отъ Дону реки, ожидая и с поля вестьниковъ. Приспѣвшу жъ дни на память сродниковъ его, убиение великаго князя Глѣба Володимеровича, і прiѣхаша и с поля два сторожа Петръ Огорский да Карпъ Алексинъ и приве-

1) Рекоша?
2) Разумѣя *(рукопись)*.
3) Прiидоста?
4) Вѣстники?
5) Вѣстники?

доша языка двора царева. И той жъ языкъ повѣда, что *ужъ царь стоитъ на Кузминѣ броду и того ради не спешитъ, ожидаетъ к себѣ Олга Рязанского и Олгерда Литовскаго к себѣ во стретение, а Московскаго собрания царь не вѣдаетъ, ни собрания не чаетъ.* Князь жъ великий воспроси языка о величестве силы царевы; языкъ жъ рече: *Никому же бо силы его не исчести: множество много; а будетъ царь на Донѣ в третий день после сего дни.* Князь жъ великий Дмитрий Івановичъ пача думати з братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ і с Литовскими князи Олгердовичи і рече: *Зде ли намъ пребыти, или Донъ превеземся?* Рекуще жъ Олгердовичи: *Государь нашъ великий князь Дмитрий Івановичъ, аще хощеши войско крепко держати, то Донъ перевеземся, то ни единъ вспять не помыслитъ, но вси вкупѣ общую чашу возприимемъ; в преидущихъ, государь, лѣтехъ Ерославъ реку перевезеся Святополка побѣди, великий князь Александръ, превезеся рѣку, і Литовского короля побѣди; тако жъ тебѣ великому князю подобаетъ тако жъ творити; но аще побѣдимъ ихъ,* (л. 4 об.) *то всю*[1]) *честь восприимемъ; но аще умремъ, то вси общую чашу восприимемъ отъ князя і до простыхъ людей, і тебѣ великому князю подобаетъ оставить же.*

Князь жъ великий Дмитрий Івановичъ повелѣ воемъ своимъ Донъ реку возитися и повеле войско свое все исчести. Князь жъ Феодоръ Семеновичъ Висковатой, Московский болшей бояринъ, говорилъ великому князю Дмитрию Івановичю: *У тобя, государя у великого князя Дмитрия Івановича, в полку в болшемъ войска 70,000.* Правыя жъ руки говорилъ братъ его князь Володимеръ Андрѣевичъ Боровский: *У меня, государь, в полку силы 40,000.* Левыя жъ руки воевода князь Костентинъ Брянской говорилъ: *У меня, государь, в полку силы 30,000.* Сторожевого полку воевода Микула Васильевичъ да Тимоѳей Волуевъ да Иванъ Родионовъ Квашня говорятъ: *У насъ, государь, в полку силы 34,000.* Передового жъ полку воевода князь Дмитрий Всеволодичъ Холмецкой говоритъ: *У меня, государь, в полку силы 20,000, а в ертоулнемъ полку послано болшей статьи дворянъ і выборныхъ головъ 20,000, а с Литовскими князи Олгердовичи пришло силы 30,000.* Того жъ дни приехали изъ великого Нова города посад-

1) Все *(рукопись)*.

ники Яковъ Івановъ сынъ Зензинъ да Тимоѳей Костянтиновичь Микулинъ, приехали к великому князю Дмитрию Івановичю на помощь, а с ними приехало Новгоро(л. 5)дцкие силы, пришло 30,000 князей и бояръ и <в>сякихъ людей. Радъ же бысть великий князь Дмитрий Івановичъ; и биша челомъ посадникомъ и целоваша ихъ с радостию великою. І рече: *Воистину вы есте дети Авраамли, ѩко в велицей беде есте пособницы.*

В то жъ время вѣстницы прискоряютъ ко князю Дмитрию і рекоша, ѩко *приближаются Агаряне, и повѣдаютъ языцы, ѩко всей силы Татарские со царемъ Мамаемъ восмь сотъ тысящь.* За многи жъ дни около поля Куликова прійдоша мнози волцы и воюще беспрестани день і нощь. Мнози жъ слеташася врапове и галицы, не умолчающе крычаща, і мнози жъ отъ устья Дону слеташася орьли і клекчюще і крычаху, ждуще грознаго побоища, в онъ же імать пасти трупъ человѣческий, а кровопролитию бывшу аки морской воде. И отъ таковаго страху і великие беды древа поклапяютце и трава по земли постилаетце. Мнози жъ отъ таковаго страху в полцехъ упывающа, ждуще смертнаго часа. Вѣстьницы жъ прискоряютъ скоро ко князю Дмитрию Івановичю і рекоша, ѩко *поганіи приближаютце.* В шестый жъ часъ дни прибѣже Семенъ Меликъ з дружиною своею і по нихъ же гнашася Татарове, толико безстудно гонишася, но об Руские полки ударишася, и видевъ силу Рускую, і возвратишася вспять (л. 5 об.). І вьѣха на выс<о>кое мѣсто і ту видѣвъ полки руские і Божиею милостию і погибели ради поганыхъ показася имъ рускаго во<й>ска бесчисленно і доспѣшно ѩко морской воде колебашася. І скоро возвратишася к царю Мамаю і повѣдаша ему, ѩко *князи рустіи ополчишася, стоятъ при Дону реке и не бѣ сметить во<й>ска ихъ.* Нечестивый жъ царь Мамай, слышавъ то, і разженъ бысть дияволомъ на свою пагубу і крыкнувъ напрасно, іспустивъ гласъ свой, і рече: *Такова ли сила моя? сего ли не одолѣютъ, то како имамъ возвратитися во свою великую орьду?* Скоро повеле во<й>ску своему всему вооружитися і на кони своя сѣсти: кабы ему мочно, не доехавъ бы, побилъ православную вѣру! Семенъ же Меликъ поведалъ великому князю Дмитрию Івановичю, ѩко *царь Мамай приѣхалъ на Гусинъ*[1]) *бродъ, только едина*

1) Гусилъ (*рукопись*).

нощь отъ насъ, утре жъ приідетъ на Непрядву рѣчку; *тебѣ жъ великому князю подобаетъ исполчитися і готову быти.*

Великиі жъ князь Дмитрий Івановичь з братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и с Литовскими князи. . . , имепемъ Волынець[1]), парочитый полководець велми полкъ учредилъ по достоянію, елико гдѣ кому подобаетъ стояти. Князь жъ великий Дмитрий Івановичь поимъ с собою брата (л. 6) своего князя Владимера Андрѣевича и Литовскихъ Олгердовичевъ і выѣхавъ на высокое место і видевъ во всехъ своихъ полщехъ знамена пашутце і <с>тези ревутъ, простирающеся аки облацы, тихо трепеща, хотя промолвити; доспѣхи жъ рустіи аки вода морская отъ вѣтра колебашася, а шеломы на главахъ ѩко златоутренная зоря во время ведра свѣтяшася[2]); верхи жъ шеломовъ ихъ аки пламень огненъ; страшно бо видети і ужасно зрети таково рускихъ сыновъ собрание і таковаго учрежения: вси бо един за единаго хотяша умрети і вси единогласно глаголюще: *Боже, призр с высоты святыя своея на ны і даруй православному князю нашему, ѩко і Костянтину, побѣду на Аммалика.* Сему же удивишася Литовские князи і рекуще: *Не видехомъ бо таковаго войска і по насъ таково не будетъ—подобно суть Макидонскому войску.* Князь жъ великий Дмитрий Івановичь сшедъ с коня своего і падъ на землю главою своею противъ великого полку черного знамени (а на знамени вышитъ образъ Владыки Господа Бога нашего Ісуса Христа) и воздохнувъ же изъ глубины сердца своего і нача со слезами молитися: *Владыко Вседержителю, призри смотреливымъ окомъ своимъ на люди своя, ижъ твоею десницею сотворени суть и твоею кровию отъ работы іскуплены, ныне, Владыко, обрати лице свое на нечестивыхъ, иже творятъ* (л. 6 об.) *пакости рабомъ твоимъ; молюся образу твоему святому пречистые его Матери и твердому і необоримому молебнику руско святителю Петру и преподобному старицу Сергию; на ихъ молит надѣемся; смею ли призывати твое святое имя Владычно?* I по м

---

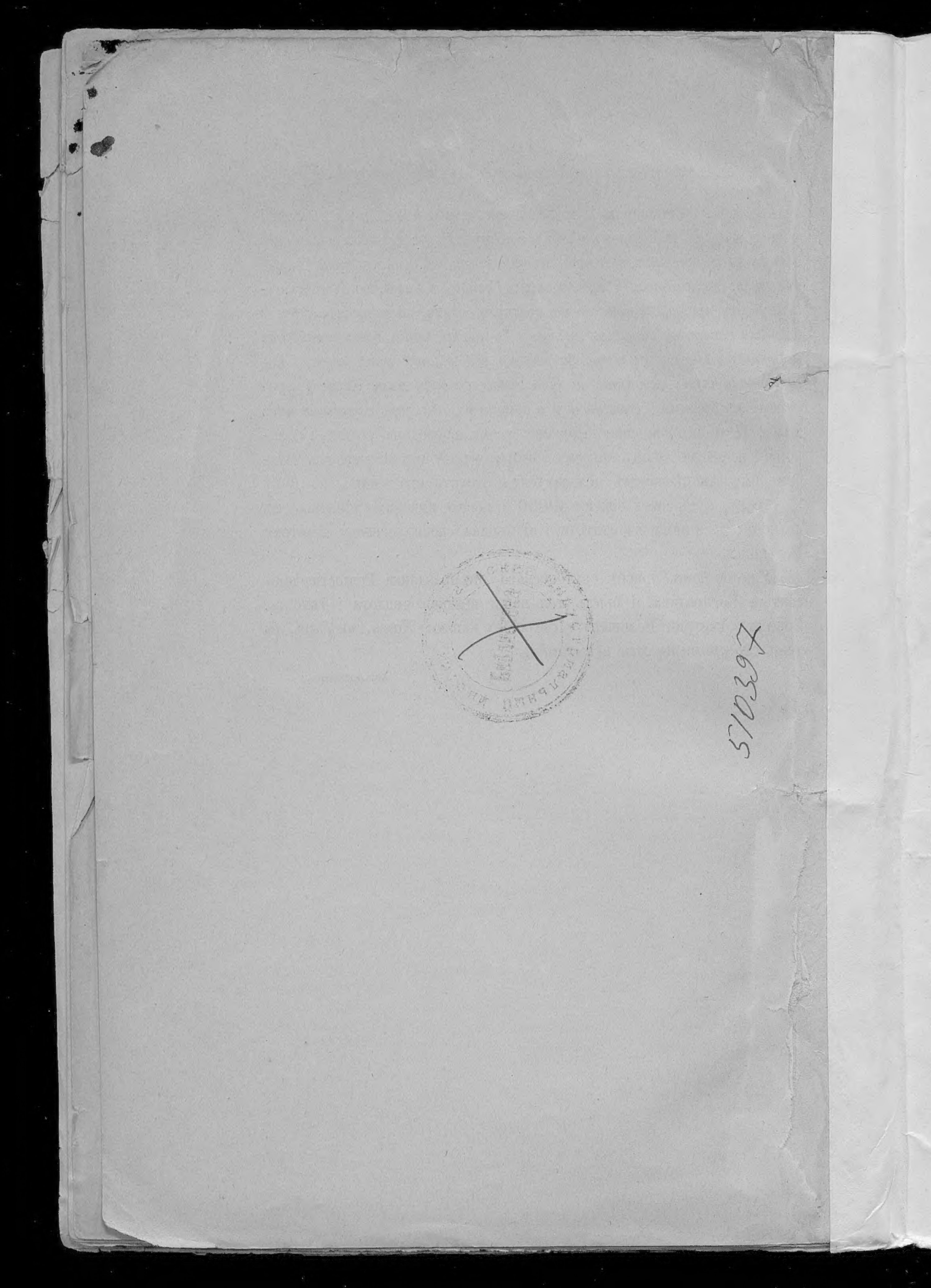
1) О. IV, 22: «начатъ князь великій Дмитрей Ивановичь з братомъ своимъ к земъ Владимеромъ Андрѣевичемъ и съ литовскими князи Андреемъ и Дмитрее Волгирдовичи до шестаго часа плъци учрежати. Нѣкто въевода пріиде с литовск князи, имянемъ Дмитрей Боброковъ»; Q. XVII, 70: «да Дмитрей Волынецъ приш изъ Литвы съ Ольгердовичи».

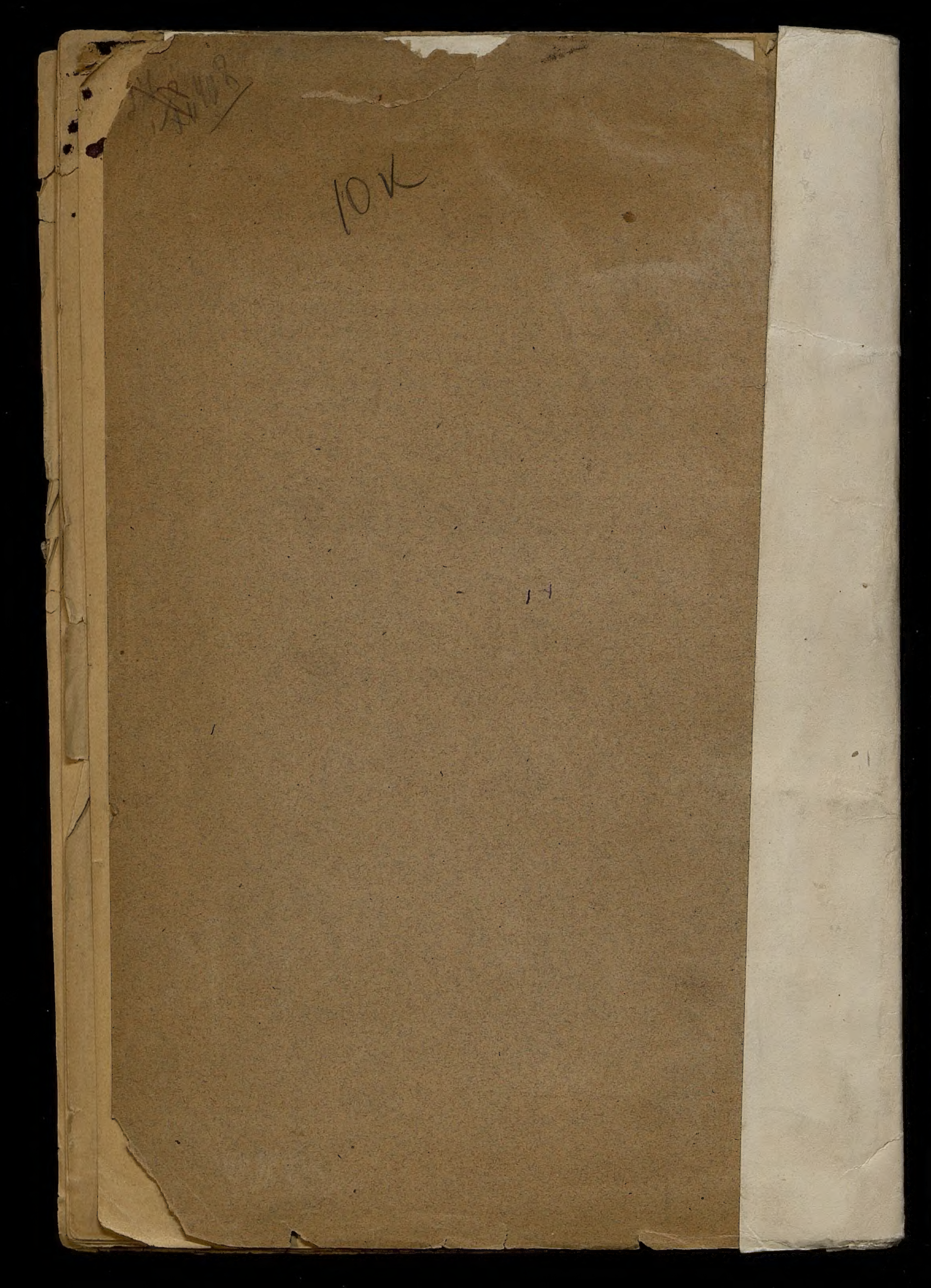
2) Святяшася (*рукопись*).

литве воставъ отъ земля і сѣдъ на конь свой і поеха в полкъ свой і рече воеводамъ и боляромъ своимъ і всему войску: *Братия моя милая отъ мала і до велика, сия нощь преиде і приспѣ день грозный і приближись: мужайтеся і крѣпитеся; Господь с нами, во бранехъ силенъ; і зде пребудемъ коиждо на мѣстехъ своихъ, не мятущеся: утре бо тако вскоре не учредимъ ли: уже бо гости наши блиско грядутъ а реце на Непрядве; утре бо имамы вси общую чашу пити і поженные чары; уповайте на Бога жива, да буди миръ вамъ; і проите мя братия в семъ вѣце и в будущемъ, аще что случитце надъ ами.* И отдавъ конечное целование всемъ воеводамъ своимъ і боляомъ і всемъ местнымъ княземъ і з братомъ своимъ со княземъ Влаимеромъ Андрѣевичемъ целовахуся; и отпусти его вверхъ по Дону убраву, а съ нимъ войска 40000 і повеле имъ тамо утаитись отъ овъ; да с ними жъ отпусти і вѣстьника своего воеводу Дмитрия ынца.

Уже бо нощь приспѣ свѣтоноснаго дни праздника Рожества превятыя Богородица, і бысть тоя нощи великая теплота і тихость. Рече жъ Дмитрий Волынецъ * ‹великому князю: *Хощу, государь, въ нощь сію примѣту свою испытати*›.

Хр. Лопаревъ.


510397


10 к